

Въ „Союзъ“ и у передвижниковъ.

(письмо изъ Москвы).

Картины, картины, картины... Рождество стало въ Москвѣ настоящимъ праздникомъ русской живописи. Художники — главные герои нашего дня, и ихъ картины — главная тема нашихъ разговоровъ. Даже Юнкевичъ и «Мисереге», державшие въ полосу все московское внимание, посторонились и проучились впередъ Коровиныхъ; Юновъ и Пастернаковъ съ ихъ полотнами, съ ихъ симфониями красокъ.

Конечно, на первомъ мѣстѣ — «Союзъ». Кто былъ на вернисажѣ въ изящномъ литер-художничкомъ клубѣ, гдѣ вымпуги своей зеленой флаги кружили, и потомъ заглянулъ въ мрачныя зарешеченныя залы подъ крышей Историческаго музея, гдѣ справа свою 39-ю весну старички-передвижники, — могъ сразу и съ большей надеждою ожидать, кому принадлежатъ общественыя симпатии, какою «фракціей» въ парламентѣ русской живописи занимаетъ сейчасъ командующее положеніе. Даже болѣе было за старичковъ... Такъ тихо и уныло было на ихъ праздникѣ, и такая скука была замечена на лицахъ тѣхъ, которые сочли долгомъ въяснотип или признательности за бывшее побывать и на этомъ передвижническомъ вернисажѣ...

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, лѣтъ восемь назадъ, союзники устроились самостоятельной выставкой и предоставили передвижникамъ доживать однимъ, — эти послѣдніе сами того не замѣчая, еще унылою былою самою, стали все глубже уходить въ тѣнь. И съ каждою новою выставкою все рѣшительнѣе сажалась тутъ на тронъ скука, — скука самая отчаянная и безнадежная. И теперешняя выставка — только вѣрное продолженіе этой печальной традиціи, только еще большее и еще болѣе безнадежное утвержденіе на престолѣ скуки. Какъ хотѣлось бы быть оригинальнымъ и видѣть уже вшедшихъ въ правило отрицательныхъ отзывавъ пролѣтъ передвижничкамъ, хоть чему-нибудь у нихъ на выставкѣ, горячую хвалу. Но передвижники, повидимому, твердо рѣшили на за что не позволять случиться такому нарушенію традиціи. И сами они обогачаютъ свою выставку только произведеніями томилою скуки, въ офисахъ первый разъ повторяющимися старыми мотивы и старые приемы, и молодежь себя подбираетъ такую, точно она эконизируетъ не въ первый разъ, а въ тридцать девятый разъ; отбачается отъ старичковъ лишь тѣмъ, что не такъ еще набилась рука. На послѣдней выставкѣ сестр. Шемьякиныхъ, писавшихъ между прочимъ московскаго и возникла въ преобладающій эпоху армякъ, или е. т. Дроздовъ, давший самое большое на выставкѣ полотно — «Раскапание». Ахъ, несмотря на молодость лѣтъ, какіе это «передвижники»!

«Союзъ» въ нынѣшній разъ открываетъ свою вы-

ставку при особыхъ, и довольно неблагоприятныхъ, условіяхъ. Читатель, вѣроятно, знаетъ, — произошелъ по призывамъ совѣтъ не глубокому, болѣе похожему на досадное недоразумѣніе, расколъ. И одна часть, «петербургцы», молодая, наиболѣе богатая дарованіями и возможностями, отделилась, оставивъ «москвичей» въ одиночество. Врядъ-ли я очень ужъ погрѣшу противъ правды, если скажу, что, въ сущности, обѣ разошедшіяся половины, много ихъ представителей ни говорили и какія лица ни дѣлали, жалуются о случившемся. И почти передъ самой выставкой «Союза» (имя осталось за «москвичами») произошло было слухомъ, что некоторые не то что соединяются въ прежнее единое цѣлое, но отпадаютъ на той же выставкѣ рядышкомъ. Кажется, у петербургцевъ не было мѣста для своей самостоятельной выставкѣ, и москвичи уже собирались предложить пѣчь гостеприимство. Что-то въ этомъ родѣ. Но потомъ стало извѣстно, что петербуржцы помыслили себя помыслили. И планъ, который могъ бы быть перемѣнъ шагомъ къ возсоединенію, и который во всякомъ случаѣ сулилъ большое богатство и интересъ московской выставкѣ, былъ оставленъ. Выставка открылась лишь въ «золотомъ» остаткѣ, — безъ Стрѣва, Сомова, Бенуа, Добужинскаго, Грабаря, Рериха и т. д. Ходить по выставкѣ, и новолонно вспоминаешь: «А вотъ тутъ былъ въ прошломъ году «Союзъ», а вотъ тутъ былъ Стрѣвъ»...

Чтобы восполнить убыль, союзники привлекли къ себѣ на выставку пѣсколькихъ «маститыхъ», въ первую голову — Виктора Васнецова. Но, правду-скажи сказать, это — только украшеніе каталога ставнымъ именемъ; но не выставки — интереснѣе произведеньемъ. Васнецовъ, чтобы поддержать союзниковъ, можетъ быть — въ награду за то, что порвали они со смутьянами и бунтарями въ живописи, далъ на выставку свою «Свѣтулочку». Если и сестр. въ этомъ полотнѣ какою интересъ, то развѣ историко-живописный. И врядъ-ли кто на союзнической выставкѣ забудется этой Свѣтулочкой, одѣтой въ оперный болерей халатикъ... Много интереснѣе другой маститый гасконецъ выставки, Суриковъ, давший два портрета, мужской — старика и женской — кн. Щербатовой, одѣтой въ старорусскій костюмъ и закутанной въ широкій платокъ. Портреты — «суриковскіе», большой экспрессіи. Но значительнаго интереса и они не представляютъ, ужъ конечно не способны вознаградить выставку за отсутствіе свѣтлыхъ портретовъ...

Это — обогащеніе выставки «Союза», такъ сказать, справа. Есть и обогащеніе лѣва. Въ послѣдней залѣ выставки пріютились Сарьянъ и Утянцъ, петинные представители, сами и не только «Бубноваго Валова», который давалъ теперь

свою дерзостью и необычайностью Москвѣ; то давняго «Золотого Руна». Впрочемъ, у обоихъ, и у влюбленнаго, въ подражаніе Матисамъ и Гогенамъ, въ сочетаніи жемчуга съ чернотой Сарьяна, и у влюбленнаго въ голубое Утына, есть не только чудачество и подражаніе посѣднимъ парижскимъ кумирамъ, но есть и талантливость, что то свое, какъ-то оригинальное чувствованіе красоты. Конечно, Сарьянство изъ того, что выставлено теперь Сарьяномъ, и этотъ коричневый туракъ-полюшникъ и эти тоненькія черненькія лошади, на которыхъ посажены зеленые травяныя горы, — только смѣльные курьезы, и художники удивительно поглаживающе передъ этими картинками головой. Но сестр. кое-что д. не только курьезное, есть что-то, что говоритъ: пожалуйте, этотъ художникъ и выберете еще на какую-то дорогу, повѣдуюмо; но, можетъ быть — и дѣлангелую прекрасную...

Назъ центра союзниковъ, въ которомъ, конечно, весь интересъ выставки, на этотъ разъ надо отнести первое мѣсто Константину Коровику. И этому дужно тѣмъ болѣе порадоваться, что на прошломъ «Союзѣ» Коровику во многихъ выказывалъ повеселыя думы. Было что-то, что говорило о переутомленіи, о поблѣшемъ чувствозаніи красоты и красокъ, о уводящемъ чувствозаніи жизни. Но то была лишь временная усталость. Картины послѣдней выставки такъ громко и краснорѣчиво объ этомъ говорятъ. Есть у Коровина тутъ маленькое полотно «Розы — ночь». Бунетъ свѣтъ въ банѣ, и только по какою очаровательность въ этихъ, вечеромъ позлащенныхъ розахъ, какая роскошь красокъ! Точно къ каждой краскѣ на палитрѣ художника было подхвачено расплавленное золото. Ходить по выставкѣ, любуешься разными картинками, своршшь о нихъ, — и опять потянетъ въ большую кружковскую залу, гдѣ пріютились эти винташи въ себя всю красоту знойнаго юга розы. По тонкости письма, еще болѣе — по колориту, эти цвѣты — настоящій шедевръ, подъ которымъ не отказались бы подписаться и первые мастера живописи. Публика вернисажка, хоть она далеко не изъ знатоковъ и специалистовъ, сразу почувствовала прелесть и этой картины, и другихъ эконизируемыхъ Коровиныхъ крымскихъ пейзажей. И черезъ какой-нибудь часъ по открытіи выставки уже было обилиемъ мнѣннемъ, что герой выставки — Коровику. Какъ бы въ подтвержденіе этому обществонному мнѣнію, Третьяковская галерея оставила свой выборъ на Коровику же и купила его Татарскую уланку ночью, съ поразительно переданнымъ свѣтомъ.

Привлекаетъ вниманіе, конечно — болѣе темной своей, чѣмъ художественнымъ выполнченіемъ, небольшое полотно Пастернака — «Въ Астаповѣ 8-го ноября 1910 г.». Какъ наизящно мнѣ эта комнатка, съ розовыми обоями, зонъ была и въ ней лишь одинъ разъ, какія-нибудь десять минутъ... У стѣны, на постолѣ, обгавленной сажками, починилъ великій иносказатель русской земли. Пастернакъ вѣдѣлъ въ Астапово черезъ дѣвъ иодѣвъ кончины Льва Толста

смысла и ласково, положивъ руку на спину своему сыну-студенту, набросать обаявъ. Я видѣть его тогда же. Въ пѣчь было самое драгоцѣнное: было поразительно бѣро передано выраженіе мятнаго лица Толстого. Выраженіе пѣлительной пѣлности. На губахъ — почти улыбка. Все это перешло въ набросокъ, въ десятъ минутъ, съданный набросокъ. Уже въ Москвѣ, пользуясь этимъ наброскомъ, художникъ съдѣлавъ болѣе тщательный, съ большою детальностью и законченностью; взялъ. И въ пѣчь, какъ и въ начальномъ наброскѣ, лицо Толстого удалось отличить. Кто видѣть Толстого по сѣмъ смени. — Я увѣренъ, — подтвердитъ мои слова. Знаю, что видѣла картину Татьяна Львова Сухомина (дочь Л. Н.) и отозвалась о ней, схвативъ лица, выраженіи его совершенно такъ же. И потому картина Пастернака представляетъ большую цѣнность, какова бы ни была ея цѣна собственно какъ живописи. Говорю это потому, что на выставкѣ слышалъ отъ знатоковъ довольно суровыя приговоры картинѣ. И правда, передава она пѣскольکو жидко, что ли, безъ силы въ краскахъ, безъ захвата во впечатлѣніи. Содержаніе момента много богаче и значительнѣе, чѣмъ выполненіе. Тутъ «что» выше, чѣмъ «какъ», а это въ искусствѣ никогда не даетъ величій... Позади кровати, почти упавъ головой на желѣзную полосу спинки, стоитъ графиня Софья Андреевна. Въ первую минуту, поглощенный образомъ Толстого, не замѣчаешь эту женскую фигуру, почти не различаешь чертатвей ея лица. Но попомню они обозначаются съ большою отчетливостью. И сестр. въ позѣ, въ лицѣ великая скорбь...

Гораздо выше у Пастернака по исполненію, при неизмѣримо меньшей значительности по содержанію, урокъ музыки, гдѣ мать сидитъ за роялемъ съ двумя дѣтьми. Но пѣлности топовъ, по мягкости письма это очень хорошо, заскачетъ всѣ чувства. Очень также хорошъ портретъ извѣстнаго Вольнера.

Большого вниманія стоитъ картина С. Малютина «Ипрушка». Жуткое дасть она впечатлѣніе. Это-то веселье, которое черезъ секунду можетъ перейти въ поножовщину, въ кровопролитіе. Это какой-то русифицированный Гойя. Очень сильно и смѣло по рисунку, но выраженію лица, по позамъ участниковъ ипрушки въ вѣзѣ или деревенскомъ кабакѣ, и очень интересно по колориту, по освѣщенію. Вообще, одна изъ самыхъ значительныхъ вещей на выставкѣ.

Какъ всегда въ «Союзѣ», преобладаетъ надъ всѣмъ пейзажъ. Самые удачные у Вячеславова, у котораго, кромѣ того, очень хорошій interior, Жуковского, у котораго ижежи «Переломъ весны» и Архипова, Аполонина, Васнецова, Плетва, который на этотъ разъ много лучше прескапавъ, съ большимъ богатствомъ красокъ и материальности. Какъ всегда, приличенъ и смученъ, мало одухотворенъ въ своихъ свѣршневыхъ пейзажахъ Перелетчиковъ. Это — таумъ-ренность и алгуарность, которая въ живописи хуже всякихъ грубыхъ и извѣстность. Въ протѣвность ему, богатъ смѣлостью въ краскахъ

и ихъ сочетаніяхъ, повъ по эффектамъ Юопъ, давший отличную «Троицу зимой». Скронень, по трогательнѣ въ своихъ зимнихъ пейзажахъ (гопановъ). Что то слышится родное въ этихъ его азмахъ, въ наивныхъ деревенскихъ пейзажахъ. И стоитъ передъ его полотнами, облаканный. Да, это не ахти, какъ оригинально и глубоко. Но это — лозия. И когда на вернисажѣ кто-то за моей спиной ехидно предлагалъ отпривить эти милыя картины въ историческій музей къ передвижникамъ, стало досадно. Точно обидѣли при мнѣ что-то родное, любимое...

Въ качествѣ портретистовъ на выставкѣ, кромѣ Сурикова, о которомъ уже приходилось упомянуть, молодой Ульянъ, отнюдь не обфпачивающій сравняться съ отцомъ, по на этотъ разъ давший дѣвъ довольно недурныя вещи. Соевѣтъ былъ бы хорошъ его портретъ студента, если бы самъ художникъ не считалъ этого потрага картиной и не назвалъ его съ большою претензіей «На пороги жизни». Лишь количественно обогатилъ портретный отдѣлъ г. Дурловъ, давший очень плохого Собниова. И не передано самое характерное, интересное и тонкое въ лицѣ знаменитаго пѣвца, и придана ему неприятная слащавость. Не картина, а маршаладъ. Или это шаржъ, пародія на «душкку телера»? Но пѣтъ, художникъ совершенно серьезно, совершенно серьезно выбралъ этотъ густо-лиловый фонъ, выписалъ бѣлую фланель костюма; зеленую шляпочку, которая не пахѣта на голову, а точно приложена къ головъ и т. д. А вѣдъ Дурловъ илеать умѣетъ, по-смотритъ, какія рядомъ съ этимъ маршаладкимъ Собниовымъ висятъ у него Азалии; эти съ какою экспрессіей выписаны лихой казакъ. Еще портреты у Калотина, автора «Ипрушки»; у него же очень удачный по сходству небольшая автопортретъ. До десяти портретовъ у Пастернака, среди нихъ московскій музыкальный критикъ Энгель (большое сходство, но не красивое письмо, не ласковыя краски) и музыкантъ Вольнеръ; самые удачные у Пастернака женскіе портреты, съданныи пѣлжно, легко. Наконецъ, есть большой портретъ (жены художника) Ульянова, одного изъ самыхъ «львухъ» въ теперешнемъ союзѣ. И по экспрессіи, и по сходству, портретъ хорошій, но есть большая вычура въ освѣщеніи, въ акссессуарахъ.

Скульптуру на выставкѣ представляютъ лишь Судьбининъ, приславшій изъ Парижа бронзовую голову юнаго гладиатора, бость своего учителя Родена и еще какой-то мало интересныя мраморы, и Колесниковъ. У этого послѣдняго сестр. какой-то странной, точно расплещенный, мраморный Бахъ, и отчаянный по оригинальности и выразительности, вырѣзанный изъ дерева Стрибогъ. Уже въ прошломъ «Союзѣ» Колесниковъ обратилъ общее вниманіе попыткой проникнуть въ тайны нашихъ старыхъ народныхъ вѣрованій. Теперь съдѣлавъ еще шагъ впередъ. Мастереку вырѣзавъ имя и большой деревянный барельефъ, со многими фигурами, изображающій Ивобліе.

У передвижниковъ залагалось бы, прежде всего, понинтересоваться Рѣшнымъ, этимъ лучшимъ героемъ передвижничества, этимъ могучимъ художникомъ, выписавшимъ въ исторію русской живописи одну изъ самыхъ яркихъ ея страницъ. Но Рѣшныя у передвижниковъ на этотъ разъ приближенно въ такой же роли, какъ Васнецовъ у союзниковъ. Это украшеніе каталога болѣе, чѣмъ обогащеніе выставки. Васнецовъ далъ союзникамъ старій варьянтъ Свѣтулочка, Рѣшныя одинъ изъ этюдовъ его знаменитой картины, изображающей убійство Грозныя сына. Послѣ картины этой представляется интересъ совѣвъ небольшой. И тѣ, которые взирались куда-то подъ крышу, по сestigamъ ступеней, специально изъ-за Рѣшныя, разочарованы и сердито ворчатъ... Не порадовать и другой крупнѣйшій передвижникъ, о которомъ столько хорошихъ воспоминаній, — Полъновъ. Номеровъ у него довольно много, даже занялъ онъ цѣлый отдѣльный цѣвъ. По все это меленіе и по художественной цѣлности совѣвъ несамостоятельные этюдники, набросочки, съданныи частью во время побздъ въ Германию, а частью дома, на Окѣ. Въ окскихъ наброскахъ иногда что-то всетаки какъ будто постъ; по все пѣво и скудно въ этомъ густо зеленомъ Гардѣ съ видомъ на Бронекъ, въ долину Рейна, Кассингенъ и т. д. Если эти этюды о чемъ и говорить, то развѣ о томъ, какъ это и безощадно время, стрижетъ всѣхъ, самыхъ сильныхъ и яркихъ, подъ свою гребенку...

Еще крупный передвижникъ, изъ самыхъ типичныхъ, Вл. Максимовъ. Ахъ, какой онъ, когда-то дѣлѣвъ успѣхъ на передвижничьихъ выставкахъ, съ какими обрадованными лицами, расширенными довольно улыбкой, стояли передъ его бытовыми картинками, передъ этими лейкингскими спенками въ краскахъ... Знаете, по моему, Владиміръ Егорычъ и теперь все не стать хуже. Все такіе же милые, женские выбираетъ сюжетики, и такъ же много ихъ рисуетъ. Только зритель сталъ другой, можетъ быть, болѣе равнодушный, а можетъ быть, менѣе наивный. Онъ уже потопталъ свое вниманіе и свое сочувствіе къ этимъ страичкамъ будней и смучачствъ. Уже не улыбка радости, а зѣвотъ ширитъ лицо у стоящихъ сейчасъ передъ «Засидѣвшимися» въ трактирѣ за парой шва, какъ говорить у насъ въ Москвѣ, или передъ «Деревенскимъ поставдцкамъ», двумя крохотными маальчуганами, пригнанившими на дачу не то Грѣбовъ, не то ланцъ, ужъ не припомню, или передъ ребятишками и старушками, впервыми любовныя глаза въ жерло граммофона.

Совѣвъ нестерпимымъ стали у передвижниковъ ихъ «мадиде боши», вродѣ Лебедева, опять и опять пришедшаго со своими смучалыми Бѣльскаго, такъ и застынаго на своихъ большаголовыхъ деревенскихъ шоловничкахъ. Говорятъ, сколько ихъ прошло уже передъ нашими глазами за эти выставки. Когда подошелъ я вчера къ ихъ кучкѣ, заглянувшій съ большою тѣлнотой въ раму «На приемѣ въ школу»,

когда увидалъ эти головы. — стало жутко: до чего можетъ быть консервативенъ человекъ... Какъ будто есть пѣкторое разнообразіе въ другомъ полотнѣ этого добродѣтельнаго Богданова-Бѣльскаго «Именины учительницы»; поставилъ сестр. художникъ какую-то свѣтовую задачу, добывается какой-то прозрачности. Но и эта болызна достаточно сомнительная. А главное, суть те все въ тѣхъ же лицахъ крестьянскихъ ребятиншекъ, которые развѣ взяли Богданова-Бѣльскаго въ полонъ и не выпускаютъ уже сколько лѣтъ... Такъ, впрочемъ, было и съ другимъ художникомъ «народшаманъ».

По содержанію самую интересною у передвижниковъ надо бы признатъ картину молодого художника Моравова, изображающую группу декабристовъ-кагорашниковъ въ Читѣ. Можно подивиться, что до сихъ поръ никто изъ нашихъ художниковъ, вочичъ до интереснѣхъ сюжетовъ, не подарилъ своимъ вниманіемъ эту тему. Какая она благодарная, и какъ она заслужила того, что бы попасть и въ живописи. Вѣроятно, отпугивавъ призракъ пензуры, которая только въ послѣднее время стала безъ особаго гнѣва слушать имени декабристовъ, упоминаете объ ихъ судьбахъ. Молодому художнику Моравову принадлежатъ въ этой области честь почина.

Каторжано изображены на земляныхъ работахъ, у острожной стѣны. Одѣты — кто во что, какія то куртки, казакшны, всѣхъ дѣвтъ и всѣхъ покровствъ. Похоже на маскарадъ. Всѣ одинаковы лишь тѣмъ, что всѣ въ позныхъ кандалахъ. Впереди всѣхъ, стоя во рву, Кюхмбекеръ, въ бѣлой курткѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, падегъ грудью на лопату, весь согнулся. За нимъ, во весь свой очень большой ростъ, князь Трубинкой, съ его оригинальнымъ, длиннымъ лицомъ; голова въ какой-то цвѣтной ярможкѣ. Онъ облакотился на лопату, глубоко задумался, уметъ глазами въ пространство. Только какъ все это нехорошо, невольнительно нехорошо написано, особенно фигура. Допущены грубыя ошбыки въ рисункѣ, въ пропорціяхъ тѣла, и болѣе похоже на дѣтскую ипрушку, чѣмъ на живого человека. Да и вся картина не можетъ похвалиться живописью, ни красками, ни рисункомъ. Немного отъ Трубинского сидитъ на опрокинутой такъ Якубовичъ и читаетъ. Исполнень человекъ слушаютъ: Завалишинъ (исполнень, какія кургузенькія и курьельныи съданныи онъ!), одинъ изъ Муравьевыхъ, Дунинъ, который поставленъ спиной къ зрителю. Еще группа — Волгодскій, другой Муравьевъ, Оболенскій. Въ зѣвомъ углу картины, весь ушедшій къ какому то шипу бар. Розень. Кто знаетъ портреты декабристовъ, легко узнать каждаго. Портретное сходство сохранено. Но написано это плохо. И это такъ обезпѣливаетъ картину, очень и очень интересную по своему содержанію...

Иногда можно встретить въ исторіи русской живописи одну изъ самыхъ яркихъ ея страницъ. Но Рѣшныя у передвижниковъ на этотъ разъ приближенно въ такой же роли, какъ Васнецовъ у союзниковъ. Это украшеніе каталога болѣе, чѣмъ обогащеніе выставки. Васнецовъ далъ союзникамъ старій варьянтъ Свѣтулочка, Рѣшныя одинъ изъ этюдовъ его знаменитой картины, изображающей убійство Грозныя сына. Послѣ картины этой представляется интересъ совѣвъ небольшой. И тѣ, которые взирались куда-то подъ крышу, по сestigamъ ступеней, специально изъ-за Рѣшныя, разочарованы и сердито ворчатъ... Не порадовать и другой крупнѣйшій передвижникъ, о которомъ столько хорошихъ воспоминаній, — Полъновъ. Номеровъ у него довольно много, даже занялъ онъ цѣлый отдѣльный цѣвъ. По все это меленіе и по художественной цѣлности совѣвъ несамостоятельные этюдники, набросочки, съданныи частью во время побздъ въ Германию, а частью дома, на Окѣ. Въ окскихъ наброскахъ иногда что-то всетаки какъ будто постъ; по все пѣво и скудно въ этомъ густо зеленомъ Гардѣ съ видомъ на Бронекъ, въ долину Рейна, Кассингенъ и т. д. Если эти этюды о чемъ и говорить, то развѣ о томъ, какъ это и безощадно время, стрижетъ всѣхъ, самыхъ сильныхъ и яркихъ, подъ свою гребенку...

Еще крупный передвижникъ, изъ самыхъ типичныхъ, Вл. Максимовъ. Ахъ, какой онъ, когда-то дѣлѣвъ успѣхъ на передвижничьихъ выставкахъ, съ какими обрадованными лицами, расширенными довольно улыбкой, стояли передъ его бытовыми картинками, передъ этими лейкингскими спенками въ краскахъ... Знаете, по моему, Владиміръ Егорычъ и теперь все не стать хуже. Все такіе же милые, женские выбираетъ сюжетики, и такъ же много ихъ рисуетъ. Только зритель сталъ другой, можетъ быть, болѣе равнодушный, а можетъ быть, менѣе наивный. Онъ уже потопталъ свое вниманіе и свое сочувствіе къ этимъ страичкамъ будней и смучачствъ. Уже не улыбка радости, а зѣвотъ ширитъ лицо у стоящихъ сейчасъ передъ «Засидѣвшимися» въ трактирѣ за парой шва, какъ говорить у насъ въ Москвѣ, или передъ «Деревенскимъ поставдцкамъ», двумя крохотными маальчуганами, пригнанившими на дачу не то Грѣбовъ, не то ланцъ, ужъ не припомню, или передъ ребятишками и старушками, впервыми любовныя глаза въ жерло граммофона.

Совѣвъ нестерпимымъ стали у передвижниковъ ихъ «мадиде боши», вродѣ Лебедева, опять и опять пришедшаго со своими смучалыми Бѣльскаго, такъ и застынаго на своихъ большаголовыхъ деревенскихъ шоловничкахъ. Говорятъ, сколько ихъ прошло уже передъ нашими глазами за эти выставки. Когда подошелъ я вчера къ ихъ кучкѣ, заглянувшій съ большою тѣлнотой въ раму «На приемѣ въ школу»,

когда увидалъ эти головы. — стало жутко: до чего можетъ быть консервативенъ человекъ... Какъ будто есть пѣкторое разнообразіе въ другомъ полотнѣ этого добродѣтельнаго Богданова-Бѣльскаго «Именины учительницы»; поставилъ сестр. художникъ какую-то свѣтовую задачу, добывается какой-то прозрачности. Но и эта болызна достаточно сомнительная. А главное, суть те все въ тѣхъ же лицахъ крестьянскихъ ребятиншекъ, которые развѣ взяли Богданова-Бѣльскаго въ полонъ и не выпускаютъ уже сколько лѣтъ... Такъ, впрочемъ, было и съ другимъ художникомъ «народшаманъ».

По содержанію самую интересною у передвижниковъ надо бы признатъ картину молодого художника Моравова, изображающую группу декабристовъ-кагорашниковъ въ Читѣ. Можно подивиться, что до сихъ поръ никто изъ нашихъ художниковъ, вочичъ до интереснѣхъ сюжетовъ, не подарилъ своимъ вниманіемъ эту тему. Какая она благодарная, и какъ она заслужила того, что бы попасть и въ живописи. Вѣроятно, отпугивавъ призракъ пензуры, которая только въ послѣднее время стала безъ особаго гнѣва слушать имени декабристовъ, упоминаете объ ихъ судьбахъ. Молодому художнику Моравову принадлежатъ въ этой области честь почина.

Каторжано изображены на земляныхъ работахъ, у острожной стѣны. Одѣты — кто во что, какія то куртки, казакшны, всѣхъ дѣвтъ и всѣхъ покровствъ. Похоже на маскарадъ. Всѣ одинаковы лишь тѣмъ, что всѣ въ позныхъ кандалахъ. Впереди всѣхъ, стоя во рву, Кюхмбекеръ, въ бѣлой курткѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, падегъ грудью на лопату, весь согнулся. За нимъ, во весь свой очень большой ростъ, князь Трубинкой, съ его оригинальнымъ, длиннымъ лицомъ; голова въ какой-то цвѣтной ярможкѣ. Онъ облакотился на лопату, глубоко задумался, уметъ глазами въ пространство. Только какъ все это нехорошо, невольнительно нехорошо написано, особенно фигура. Допущены грубыя ошбыки въ рисункѣ, въ пропорціяхъ тѣла, и болѣе похоже на дѣтскую ипрушку, чѣмъ на живого человека. Да и вся картина не можетъ похвалиться живописью, ни красками, ни рисункомъ. Немного отъ Трубинского сидитъ на опрокинутой такъ Якубовичъ и читаетъ. Исполнень человекъ слушаютъ: Завалишинъ (исполнень, какія кургузенькія и курьельныи съданныи онъ!), одинъ изъ Муравьевыхъ, Дунинъ, который поставленъ спиной къ зрителю. Еще группа — Волгодскій, другой Муравьевъ, Оболенскій. Въ зѣвомъ углу картины, весь ушедшій къ какому то шипу бар. Розень. Кто знаетъ портреты декабристовъ, легко узнать каждаго. Портретное сходство сохранено. Но написано это плохо. И это такъ обезпѣливаетъ картину, очень и очень интересную по своему содержанію...

Иногда можно встретить въ исторіи русской живописи одну изъ самыхъ яркихъ ея страницъ. Но Рѣшныя у передвижниковъ на этотъ разъ приближенно въ такой же роли, какъ Васнецовъ у союзниковъ. Это украшеніе каталога болѣе, чѣмъ обогащеніе выставки. Васнецовъ далъ союзникамъ старій варьянтъ Свѣтулочка, Рѣшныя одинъ изъ этюдовъ его знаменитой картины, изображающей убійство Грозныя сына. Послѣ картины этой представляется интересъ совѣвъ небольшой. И тѣ, которые взирались куда-то подъ крышу, по сestigamъ ступеней, специально изъ-за Рѣшныя, разочарованы и сердито ворчатъ... Не порадовать и другой крупнѣйшій передвижникъ, о которомъ столько хорошихъ воспоминаній, — Полъновъ. Номеровъ у него довольно много, даже занялъ онъ цѣлый отдѣльный цѣвъ. По все это меленіе и по художественной цѣлности совѣвъ несамостоятельные этюдники, набросочки, съданныи частью во время побздъ въ Германию, а частью дома, на Окѣ. Въ окскихъ наброскахъ иногда что-то всетаки какъ будто постъ; по все пѣво и скудно въ этомъ густо зеленомъ Гардѣ съ видомъ на Бронекъ, въ долину Рейна, Кассингенъ и т. д. Если эти этюды о чемъ и говорить, то развѣ о томъ, какъ это и безощадно время, стрижетъ всѣхъ, самыхъ сильныхъ и яркихъ, подъ свою гребенку...

когда увидалъ эти головы. — стало жутко: до чего можетъ быть консервативенъ человекъ... Какъ будто есть пѣкторое разнообразіе въ другомъ полотнѣ этого добродѣтельнаго Богданова-Бѣльскаго «Именины учительницы»; поставилъ сестр. художникъ какую-то свѣтовую задачу, добывается какой-то прозрачности. Но и эта болызна достаточно сомнительная. А главное, суть те все въ тѣхъ же лицахъ крестьянскихъ ребятиншекъ, которые развѣ взяли Богданова-Бѣльскаго въ полонъ и не выпускаютъ уже сколько лѣтъ... Такъ, впрочемъ, было и съ другимъ художникомъ «народшаманъ».

По содержанію самую интересною у передвижниковъ надо бы признатъ картину молодого художника Моравова, изображающую группу декабристовъ-кагорашниковъ въ Читѣ. Можно подивиться, что до сихъ поръ никто изъ нашихъ художниковъ, вочичъ до интереснѣхъ сюжетовъ, не подарилъ своимъ вниманіемъ эту тему. Какая она благодарная, и какъ она заслужила того, что бы попасть и въ живописи. Вѣроятно, отпугивавъ призракъ пензуры, которая только въ послѣднее время стала безъ особаго гнѣва слушать имени декабристовъ, упоминаете объ ихъ судьбахъ. Молодому художнику Моравову принадлежатъ въ этой области честь почина.

Каторжано изображены на земляныхъ работахъ, у острожной стѣны. Одѣты — кто во что, какія то куртки, казакшны, всѣхъ дѣвтъ и всѣхъ покровствъ. Похоже на маскарадъ. Всѣ одинаковы лишь тѣмъ, что всѣ въ позныхъ кандалахъ. Впереди всѣхъ, стоя во рву, Кюхмбекеръ, въ бѣлой курткѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, падегъ грудью на лопату, весь согнулся. За нимъ, во весь свой очень большой ростъ, князь Трубинкой, съ его оригинальнымъ, длиннымъ лицомъ; голова въ какой-то цвѣтной ярможкѣ. Онъ облакотился на лопату, глубоко задумался, уметъ глазами въ пространство. Только какъ все это нехорошо, невольнительно нехорошо написано, особенно фигура. Допущены грубыя ошбыки въ рисункѣ, въ пропорціяхъ тѣла, и болѣе похоже на дѣтскую ипрушку, чѣмъ на живого человека. Да и вся картина не можетъ похвалиться живописью, ни красками, ни рисункомъ. Немного отъ Трубинского сидитъ на опрокинутой такъ Якубовичъ и читаетъ. Исполнень человекъ слушаютъ: Завалишинъ (исполнень, какія кургузенькія и курьельныи съданныи онъ!), одинъ изъ Муравьевыхъ, Дунинъ, который поставленъ спиной къ зрителю. Еще группа — Волгодскій, другой Муравьевъ, Оболенскій. Въ зѣвомъ углу картины, весь ушедшій къ какому то шипу бар. Розень. Кто знаетъ портреты декабристовъ, легко узнать каждаго. Портретное сходство сохранено. Но написано это плохо. И это такъ обезпѣливаетъ картину, очень и очень интересную по своему содержанію...

Иногда можно встретить въ исторіи русской живописи одну изъ самыхъ яркихъ ея страницъ. Но Рѣшныя у передвижниковъ на этотъ разъ приближенно въ такой же роли, какъ Васнецовъ у союзниковъ. Это украшеніе каталога болѣе, чѣмъ обогащеніе выставки. Васнецовъ далъ союзникамъ старій варьянтъ Свѣтулочка, Рѣшныя одинъ изъ этюдовъ его знаменитой картины, изображающей убійство Грозныя сына. Послѣ картины этой представляется интересъ совѣвъ небольшой. И тѣ, которые взирались куда-то подъ крышу, по сestigamъ ступеней, специально изъ-за Рѣшныя, разочарованы и сердито ворчатъ... Не порадовать и другой крупнѣйшій передвижникъ, о которомъ столько хорошихъ воспоминаній, — Полъновъ. Номеровъ у него довольно много, даже занялъ онъ цѣлый отдѣльный цѣвъ. По все это меленіе и по художественной цѣлности совѣвъ несамостоятельные этюдники, набросочки, съданныи частью во время побздъ въ Германию, а частью дома, на Окѣ. Въ окскихъ наброскахъ иногда что-то всетаки какъ будто постъ; по все пѣво и скудно въ этомъ густо зеленомъ Гардѣ съ видомъ на Бронекъ, въ долину Рейна, Кассингенъ и т. д. Если эти этюды о чемъ и говорить, то развѣ о томъ, какъ это и безощадно время, стрижетъ всѣхъ, самыхъ сильныхъ и яркихъ, подъ свою гребенку...

Иногда можно встретить въ исторіи русской живописи одну изъ самыхъ яркихъ ея страницъ. Но Рѣшныя у передвижниковъ на этотъ разъ приближенно въ такой же роли, какъ Васнецовъ у союзниковъ. Это украшеніе каталога болѣе, чѣмъ обогащеніе выставки. Васнецовъ далъ союзникамъ старій варьянтъ Свѣтулочка, Рѣшныя одинъ изъ этюдовъ его знаменитой картины, изображающей убійство Грозныя сына. Послѣ картины этой представляется интересъ совѣвъ небольшой. И тѣ, которые взирались куда-то подъ крышу, по сestigamъ ступеней, специально изъ-за Рѣшныя, разочарованы и сердито ворчатъ... Не порадовать и другой крупнѣйшій передвижникъ, о которомъ столько хорошихъ воспоминаній, — Полъновъ. Номеровъ у него довольно много, даже занялъ онъ цѣлый отдѣльный цѣвъ. По все это меленіе и по художественной цѣлности совѣвъ несамостоятельные этюдники, набросочки, съданныи частью во время побздъ въ Германию, а частью дома, на Окѣ. Въ окскихъ наброскахъ иногда что-то всетаки какъ будто постъ; по все пѣво и скудно въ этомъ густо зеленомъ Гардѣ съ видомъ на Бронекъ, въ долину Рейна, Кассингенъ и т. д. Если эти этюды о чемъ и говорить, то развѣ о томъ, какъ это и безощадно время, стрижетъ всѣхъ, самыхъ сильныхъ и яркихъ, подъ свою гребенку...

КОЛЬ-КОЛЬ.

Москва, 27 дек.